

Организационное оружие: функциональный генезис и основные направления использования в современной истории России

УДК 323.2:316.6 (470+571)

В статье анализируется организационное оружие как стратегическое оружие нового типа и дается ретроспективный обзор его применения за последние 65 лет. Автор приходит к выводу, что возможности элиминирования патологической системы как ведущего фактора организационного оружия лежат в психосоциальной и культурной сфере общества. Это означает, что внешние, формальные способы противодействия организационному оружию категорически не пригодны – требуется подбор адекватных и специфических средств и методов, поскольку непосредственное воздействие на патологическую систему не может быть результативным.

Ключевые слова

Организационное оружие, патологическая система, общественное сознание, функциональные связи

Автор

Сундиев Игорь Юрьевич – доктор философских наук, профессор, член Президиума Российской криминологической ассоциации.

Применение организационного оружия отражает историческую тенденцию перехода от войн с истреблением противника к войнам, ориентированным на его самодезорганизацию и самодезориентацию для сохранения имеющейся ресурсной базы. На практике это осуществляется за счет применения системы организационных (согласованных по целям, месту и времени разведывательных, пропагандистских, психологических, информационных и др.) воздействий на противника, заставляющих его двигаться в необходимом для другой стороны русле [1]. Таким образом можно направить политику противника в стратегический тупик, измотать его экономику неэффективными (непосильными) программа-

ми, затормозить развитие вооружения, исказить основы национальной культуры, создать «пятую колонну». В итоге в государстве складывается обстановка внутриполитического, экономического, психологического хаоса.

Основу организационного оружия составляют специальные рефлексивные технологии организационного управления. Они представляют собой упорядоченные совокупности постоянно совершенствующихся методов (программ, стратегий, процедур, форм) реализации управленческих решений, внедрения инноваций, поддержания информационных и других необходимых структурных связей, подбора и подготовки персонала, планирования, отчетности и контроля и др. Так как основу любой организационной системы составляют люди, мотивация деятельности которых базируется на их физиологических, социальных и информационных потребностях, то продуктивное, правильно рассчитанное применение организационного оружия в определенной организационной среде (прежде всего властной) оказывает прямое влияние не только на уровень безопасности организационной системы государства, но и на саму возможность ее существования. Проходя через сознание каждого члена общества, длительное массированное информационное и морально-психологическое воздействие деструктивного характера создает реальную угрозу существованию нации в результате трансформации ее исторически сложившейся культуры, основных мировоззренческих, культурных и идеологических установок, то есть смены внутренней организационной среды, определяющей жизнедеятельность государства.

Основными объектами воздействия организационного оружия являются представители социальных групп и институтов, прямо или косвенно участвующие

в долгосрочном и краткосрочном регулировании поведения остального населения, — управленческие элиты, творческая интеллигенция, работники образования, воспитатели, известные культурные и нравственные авторитеты государства. Так как регуляторами поведения являются не только манифестные (раскрученные в медийном пространстве) личности, но и теневые авторитеты (в том числе представители организованной

патологической системы внутри функциональной системы государства-мишени, при котором патологическая система для своего развития поглощает ресурсы носителя. Характерной особенностью патологической системы (применения организационного оружия), выявленной в прошлых исследованиях [2], является то, что она воздействует на функциональную систему общества в первую очередь «извне», с иерархически «вышележащего» (властного)

Студенчество стало одним из главных таранов, привлекаемых для выполнения демонтажа режимов.

преступности), они также попадают в сферу планирования акций организационного оружия. Отдельное направление — создание новых субъектов применения организационного оружия в форме субкультур, нетрадиционных конфессий, альтернативных воспитательных и образовательных структур.

Фактически организационное оружие есть способ активации

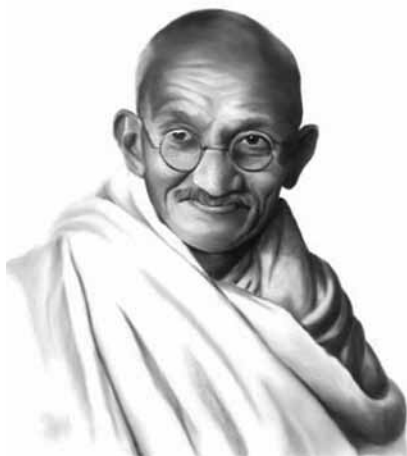
уровня системной организации. Кроме того, применение организационного оружия не всегда заметно для традиционных форм научного наблюдения и непонятно в рамках традиционной логики обыденного познания. Деструкция, как действие организационного оружия, направлена на достижение результатов, находящихся в системе ценностей инициатора применения данного оружия.

Фото: Fotoimedia / Владимир Баранов.
Митинг против коррупции от партии
«Справедливая Россия»

Одно из основных условий применения организационного оружия — замена системы базовых ценностей государства-мишени ценностями государства-инициатора как самыми перспективными.

Современная система организационного оружия начала складываться в XX в. с работ А. Богданова [3]. Согласно англо-саксонской политической мифологии, идея «другого», менее кровавого пути трансформации общества родилась как реакция на революционные потрясения начала XX в., последовавшую за ними контрреволюцию и появление ядерного оружия как реальной угрозы омицида. Одно из направлений невоенной трансформации — ненасильственное сопротивление — обосновал М. Ганди: он именовал его «сатьяграха». Сатьяграха означает настойчивость в осуществлении истины, сочетание истинности и твердости. Ганди считал сатьяграху «действенным способом сопротивления эксплуатации человека человеком, класса классом и нации нацией» [4]. В 1967 г. Фред Эмери, тогдашний директор Тавистокского института человеческих отношений, развивая идею многообразия форм организационного оружия, указывал, что синергетику «подросткового роя» на рок-концертах можно будет эффективно использовать для разрушения национального государства к концу 1990-х годов. В архивах издаваемого Тавистокском журнала «Human Relations» [5] есть доклад Фреда Эмери «Ближайшие тридцать лет: концепты, методы и предвидения», где потенциал сердитой молодежи рассматривается как оружие психического поражения — *истерия бунтарства*. 1 мая 1968 г. более ста тысяч человек вышли на улицы Парижа под очень своеобразными лозунгами: «Запрещается запрещать!», «Будьте реалистами — требуйте невозможного! (Че Гевара)», «Секс — это прекрасно! (Мао Цзэдун)», «Воображение у власти!», «Всё — и немедленно!».

«Забудь всё, чему тебя учили, — начни мечтать!»

Ведущую роль в майском мятеже 1968 г. играли студенты и школьники. Рабочие лишь частично поддержали их бунтарский порыв. После этих событий студенчество стало одним из главных таранов, привлекаемых для выполнения демонтажа режимов. В большинстве современных революций основным субъектом применения организационного оружия являются и представители творческой интеллигенции, формирующие новые идеологии и протокультуры. Альбера Камю, Джорджа Оруэлла, Герберта Маркузе, Антонио Грамши, Теодора Адорно, Жан-Люка Годара, Вильгельма Райха, Ги Дебора молодежный нонконформизм вдохновил на создание не только концепций контркультуры и новой революции, но и теории городской герильи, нашедшей теоретическое и практическое применение в середине и конце 1960-х, в разгар движения новых левых и хиппи.

Из теоретического наследия вышеперечисленных философов, писателей, политиков впоследствии черпались не только лозунги новых левых, но и стержневые постулаты философии и идеологии практически всех современных террористических и экстремистских организаций. В тот пе-

риод выделились два магистральных направления дальнейшего развития организационного оружия. В 1968 г. Джин Шарп защитил в Оксфорде диссертацию на тему: «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью», развитие идей которой послужило идейной основой последующих «цветных революций» XXI в.¹ Второе направление, бунтарско-террористическое, идейно и методически оформил Хуан Карлос Маригелла, опубликовавший в 1969 г. свой «Краткий учебник городской герильи» [7], который стал настольной книгой членов RAF («Фракция Красной Армии» — Германия), Brigate Rosse («Красные бригады» — Италия) и всех последующих террористических организаций.

Свойства студенческой молодежи как социальной группы таковы, что она мобилизует очень большой творческий потенциал — и в создании новых организационных форм, и в применении интеллектуальных и художественных средств. Это создает для властей неопределенность: отказ от применения силы при уличных беспорядках ускоряет самоорганизацию мятежной оппози-

ции, но в то же время насилие полиции чревато риском быстрой радикализации конфликта.

Сегодня можно смело утверждать, что многие методики применения организационного оружия пилотно запускались и в СССР — как раз в конце 1960-х годов. Можно вспомнить не только так называемый план Маршалла для умов (тайные операции, скупка ведущих журналистов, создание не-

французская «Молодежь и реконструкция», работавшая в составе интернациональных студенческих строительных отрядов в Петродворце под Ленинградом, была одним из филиалов YMCA (Young Men's Christian Association) — разветвленной псевдохристианской глобалистской структуры. Одновременно шла дальнейшая десакрализация базовых ценностей (вместо коммунизма и патриотизма — make love not war!), вырожде-

ния (*шестидесятники*)² как характерные маркеры воздействия патологической системы, а также нарастают нарушения ритмической организации функций основных систем государства (отраслевые рассогласования, принимающие форму борьбы элитных группировок). При этом никаких критических морфологических изменений в социуме социальными, политическими и экономическими исследованиями не фиксируется (стиляги, «двойной патриотизм» части евреев, смена методологии пропаганды проходят как издержки идеологических диверсий).

После накопления суммы критических изменений следует череда социальных кризисов, через которые осуществляется выход на псевдостабильный этап релаксирующего социального развития.

формальных клубов агентов влияния), но и легальное расширение — под видом разрядки — межгосударственных культурных обменов с целью невидимой подмены понятий. Масса потенциально подрывных, прежде всего экumenических, молодежных организаций проникала в Советский Союз по разным каналам молодежного обмена под самыми невинными наименованиями. Та же

ние идеологического воспитания в чисто ритуальную идеологическую работу.

Рассмотрим процесс применения организационного оружия (активации патологической системы) на примере развала СССР и построения новой России. Первый этап: *разрушение базовой системы ценностей* (десакрализация высшей цели и ценности общества — коммунизма и ограничение исторического горизонта развития 1980 г. в Программе КПСС) и *молчаливое принятие ценностей общества потребления как перспективных* в форме разрядки и мирного сосуществования (при сохранении ритуальной борьбы с низкопоклонством, авангардизмом, стилягами и т.п.).

На этом этапе в обществе развивается так называемый *адапционный синдром*, выраженный в напряжении всех уровней организации социума. В нашей истории это судорожные реформы начала 60-х годов XX в. финансовой, правовой, правоприменительной системы, армии, системы управления экономикой СССР. На его начальной стадии ярко проявляются *феномены идеологического и культурного растормажива-*

После накопления суммы критических изменений следует череда социальных кризисов, через которые осуществляется выход на псевдостабильный этап релаксирующего социального развития. В нашей истории это победа элитной группировки Л.И. Брежнева, подавление (вплоть до вооруженного) всех форм массовых социальных протестов как в нашей стране, так и в странах социалистического лагеря. Одновременно идет дальнейшая десакрализация базовых ценностей, вырождение идеологического воспитания в чисто ритуальную идеологическую работу. Это еще один из маркеров действия патологической системы (организационного оружия) — возрождение *ретроградно-символических форм поведения*, когда некое действие (комсомольское, партийное собрание) рассматривается большинством не как внутренняя социальная потребность, а как действие ритуальное (принесение жертвы), без которого невозможна карьерная, образовательная и любая другая самореализация. Основными акторами использования организационного оружия на данном этапе были представители

не только правящей и творческой элиты, но и нарождающейся организованной преступности (цеховики); основными инструментами — их формальные и неформальные управленческие решения; распространяемые стандарты оценок и поведения.

Следующая стадия — развитие *патологического социального синдрома*. На этой стадии патологические проявления, выраженные в заметных изменениях структурных компонентов социума, сравнительно легко фиксируются известными методами социальных и экономических исследований, но результаты фиксации объявляются идеологической диверсией, так как могут противоречить генеральной линии. В нашей истории это хорошо иллюстрирует изменчивая роль социологии и судьба Ю. Левады.

В это время на социальном уровне фиксируется рост девиантности и делинквентности³ в поведении представителей пассионарных социальных групп, прежде всего молодежи. В конце 60-х — начале 70-х годов XX в. в СССР развиваются движения КСП (клубов самодетельной песни) и КТП (клубов туристической песни), впоследствии получившие обобщенное название бардовского движения. Благодаря этому явлению из молодежной среды был практически вытеснен блатной шансон и продемонстрирована возможность приемлемого для властей полуправильного существования

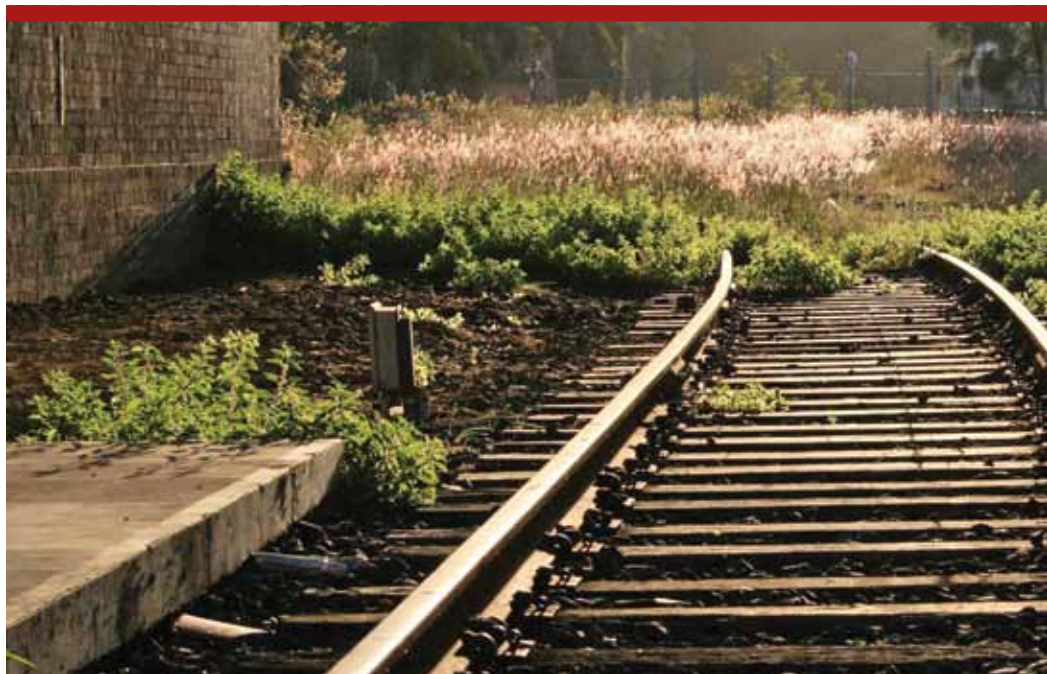
альтернативной официозу молодежной культуры. Используя образовавшийся канал, спустя короткое время свою нишу находят движение хиппи, панков, реконструкторов и многие другие андеграундные субкультуры, получившие наименование «неформальные объединения» [8].

С началом перестройки из *контркультурной среды, ставшей новым субъектом использования организационного оружия*, выделяются субъекты, *активирующие трансформацию исторической памяти* (общества «Память», «Мемориал», кинофильмы Т. Абуладзе «Покаяние», С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли»), а также политические протопартии. После «Пятилетки пышных похорон» (1982–1984 гг.) — естественного конца геронтократической элиты в руководстве КПСС — к власти в партии и государстве пришла команда М. Горбачева и А. Яковлева. Спешно начатые ею крупные кампании административного характера — ускорение развития народного хозяйства, антиалкогольная кампания, борьба с нетрудовыми доходами, введение госприемки, демонстрация борьбы с коррупцией — имели намерен-

но популистско-имитационный характер. Их закономерный провал позволил начать обоснованный и поддержанный всем обществом разговор о необходимости принципиальных реформ партии и государства.

После XIX партконференции КПСС (1989 г.) были приняты законы, сыгравшие решающую роль в реформировании политической системы. В их числе закон «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР», который ликвидировал ст. 6 о руководящей роли КПСС, а также закон «О выборах народных депутатов», утвердивший выборы депутатов Советов на альтернативной основе. Отмена 6-й статьи Конституции СССР способствовала легализации деятельности новых политических партий.

Первой оппозиционной КПСС партией еще в мае 1988 г. провозгласил себя «Демократический союз». С апреля 1988 г. возникают народные фронты, первые национальные сепаратистские организации, носившие массовый характер: Народный фронт Эстонии, Народный фронт Латвии, «Саюдис» (Литва). Позже аналогичные

организации возникли во всех союзных и автономных республиках. Ультралиберальное направление представлял Демсоюз, выступавший за смену модели общественного развития. В мае 1990 г. оформилась крупнейшая партия либерального лагеря — Демократическая партия России, а в ноябре — Республиканская партия Российской Федерации.

В октябре 1990 г. на базе движения избирателей «Демократическая Россия» (созданного в ходе выборов народных депутатов СССР весной 1989 г.) оформилась одноименная массовая общественно-политическая организация, объединившая партии, общественные организации и движения либеральной направленности. Социал-демократическое направление было представлено двумя основными организациями: Социал-демократической ассоциацией и Социал-демократической партией России. В июне 1990 г. была основана Социалистическая партия. Анархистское направление нашло отражение в деятельности «Конференции анархо-синдикалистов» и Анархо-коммунистического революционного союза.

Политический плюрализм затронул и крупнейшую политическую силу — КПСС. В 1990 — начале 1991 г. в ней обозначились пять направлений: социал-демократическое, «Демократическое движение коммунистов», центристское, «Марксистская платформа в КПСС», традиционалистское. Каждое из них предлагало свой вариант реформ. На базе КПСС были созданы партии социалистической направленности (Народная партия свободной России, Социалистическая партия трудящихся), прокоммунистической ориентации (Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, Российская коммунистическая рабочая партия). С осени 1990 г. началось формирование политических партий, выступающих с позиций праворадикального переустройства общества: Русская национал-демократическая партия и др. Осенью 1991 г. возникли религиозно-политические организации: Российское христианско-демократическое движение, Исламское возрождение. При всем многообразии партий и движений в центре политической борьбы находились два политических направления: условно коммунистическое и условно либеральное. Либералы (демократы) выступали как бы сторонниками коренных реформ, а коммунисты — сторонниками сохранения старого строя.

Легализация многочисленных политических субъектов позволила еще интенсивнее продолжить процесс десакрализации традиционных ценностей и выдвижение в качестве живой альтернативы ценностей общества потребления, замены идеалов коллективизма идеалами индивидуализма. Особой популярностью стал пользоваться лозунг Н. Бухарина «Обогащайтесь!». Был введен критерий «экономической целесообразности» при оценке государственной социальной политики. Наглядно деструктивность этого процесса видна в экономико-криминалогической области. Если в нача-

ле этого этапа (середина 1960-х — середина 1970-х годов) появление цеховиков (экономической формы организованной преступности) было связано с реальной невозможностью обеспечить возросшие потребительские потребности населения в условиях плановой экономики, то в дальнейшем они (цеховики) стали основным инструментом перевода криминальных сокровищ в будущей промышленный капитал. Программой «500 дней» Шаталина — Явлинского, программой перехода плановой экономики Советского Союза на рыночную экономику в целях преодоления искусственного экономического кризиса 1990 г. и реализации прав граждан на лучшую, более достойную жизнь, криминальные капиталы рассматривались как основной финансовый ресурс дальнейших реформ. Фактически это означало оформление союза пражившей элиты и организованной преступности, которую Е. Гайдар впоследствии назовет «неизбежным процессом обмена власти на собственность» [9].

На этой стадии развития патологического синдрома вернуть социальный организм к нормальному функционированию уже крайне сложно⁴, поскольку развитые патологические звенья саморегуляции, зафиксированные и в историческом опыте, из внешней социокультурной среды начинают работать в режиме усилителя деструкции. В новейшей

истории это особенно заметно на примере деградации идеологического аппарата и превращения его в сеть агентов влияния враждебной потребительской идеологии. Старый комсомольский лозунг: «Не можешь остановить — возглавь!» реализовался в центрах НТТМ, которые были созданы в соответствии с постановлением Совета Министров СССР, ВЦСПС и ВЛКСМ от 13 марта 1987 г. № 321 «Об образовании единой общегосударственной системы научно-технического творчества молодежи». Центры создавались при райкомах комсомола. К началу 1990-х годов в СССР насчитывалось уже более 600 центров НТТМ, они пользовались большими льготами — не платили никаких налогов, но отчисляли 3% до-

но и мышления, возрождающего реликтовые формы общественного сознания: феноменальный успех А. Кашпировского и А. Чумака говорит о резкой массовой замене рационального мышления мифологическим желанием поверить в чудо у значительного числа населения страны. То, что это не спонтанный процесс, а *использование организационного оружия правящими элитами*, подтверждается предоставлением им эфирного времени на ведущих телеканалах страны в прайм-тайм, что в условиях даже позднего СССР было невозможно без одобрения на самом высоком уровне.

Религиозное сознание граждан нашей страны к началу перестройки представляло собой бла-

ные восточные верования или их фрагменты. В первую очередь всякого рода заимствования из буддизма, индуизма, йоги, в меньшей степени — даосизма и ислама. Особую роль в адаптации всякого рода восточных верований к условиям современной России играла успешная инфильтрация в общественную среду рериховского движения (Агни-йоги), возникшего в 1920-е годы. Организованное обычно в форме разного рода полузакрытых клубов и ассоциаций, в чистом виде оно до сих пор не структурировалось в жесткие, дисциплинированные организации. Однако многие его идеи служат закатской сектантских организаций, а из участников рериховских обществ рекру-

Феноменальный успех А. Кашпировского и А. Чумака говорит о резкой массовой замене рационального мышления мифологическим желанием поверить в чудо у значительного числа населения страны.

хода в общесоюзный фонд НТТМ и 27% — в местные фонды, которыми распоряжались координационные советы НТТМ. Согласно уставу, средства НТТМ могли вкладываться только в производство. На самом деле система НТТМ была формой крышевания кооперативного движения и накопления финансовых и организационных ресурсов для участия в предстоящем процессе приватизации.

Для развитых стадий деструктивных процессов, вызванных патологической системой, характерно напряжение процессов саморегуляции всех подуровней, вовлеченных в процесс возвращения к норме функций. Для этого задействуются все информационные, энергетические и политические ресурсы, пока не происходит поломка наиболее чувствительных звеньев. Одновременно имеет место активация не только *ретроградных форм поведения*,

годатную почву для произрастания самых разных нетрадиционных конфессий и сект. К началу перестройки, когда в Бога верили лишь 10% населения (различные социологические исследования конца 1970-х — середины 1980-х и даже 1987–1988 гг. стабильно показывали 7–12% верующих), неизмеримо большому числу людей были присущи всякого рода нетрадиционные верования. Наиболее заметными, вездесущими стали всякого рода парарелигиозные учения, связанные со здоровьем, нетрадиционными методами лечения. Экстрасенсы, практически маги, изобретатели диет, образа жизни и т.д. и т.п. Целительство — не только основа для появления новых сект, но и почти необходимая черта сект, появляющихся на совсем других идейных основаниях. С начала 1970-х годов в СССР широко распространились, как правило, сильно примитивирован-

тируются не только их члены, но иногда и лидеры.

Важнейший мировоззренческий элемент перестроечного сектантства — паранаучные идеологии, которые часто легко вплелись в совершенно первобытные идейные конструкции. Вера в НЛО, снежного человека, контакты с внеземными цивилизациями — лишь самое заметное из этого ряда. В первые годы перестройки наиболее заметными, быстро растущими в России оказались несколько иностранных миссионерских сект, в первую очередь муниты (Церковь объединения, или унификации), «Аум Синрикё» и сайентологи. Их бурный успех, причем именно в тот период, вполне объясним. Массовая кристаллизация отечественных сект не может произойти быстро: необходимо какое-то время для свободного распространения информации, первичной организации общин и идей, выделения харизматичных лидеров. Иностранные сектанты-миссионеры приехали с деньгами, крепкой организацией, отшлифованными методами работы.

К тому же общественная атмосфера конца 1980-х — начала 1990-х годов была благоприятна как никогда после: религия была реабилитирована, а любой иностранный продукт был заведомо более желанным [10]. С точки зрения теории адаптации в этот момент происходит срыв адаптационных процессов. Применительно к социуму это выглядит как *тотальная идеологическая дезориентация и поведенческая криминализация общества* (от растущей девиантности разных социальных слоев к делинквентности и далее к криминальным формам поведения и паракриминализации большинства форм социальных отношений). В новейшей истории России наиболее ярко это проявилось в конце 1980-х — середине 1990-х годов [11, 12].

Эта стадия патологического синдрома характеризуется еще большим — компенсаторным — напряжением, попыткой *тотальной перестройки государственной системы с целью перераспределения нагрузок на структуры, еще способные выполнять свои функции (ГКЧП)*.

На данной стадии основными акторами использования организационного оружия по-прежнему оставались правящие и творческие элиты, но уже в союзе с сформировавшейся организованной преступностью и бывшими идеологическими противниками, выступающими в роли экспертов в деле проведения реформ, новые политические, конфессиональные и общественные субъекты. Основные инструменты — формальные и неформальные управленческие решения, новая идеологическая парадигма, распространяемые стандарты оценок и поведения, мода. На данном этапе впервые начинается широкое использование всех форм манипуляторных технологий в работе средств массовой коммуникации и их постепенный вывод из-под идеологического контроля партии и государства (под флагом политики гласности) [13].

Закономерный провал ГКЧП и последовавший за ним распад СССР [14–19] ознаменовали начало новой стадии развития патологической системы — *патологическую перестройку функциональной системы государства*.

Мировоззренческой основой этой стадии для большинства населения стал аксиологический кризис: то, что вчера считалось добром, сегодня стало злом, а вчерашнее зло претендовало на место добра⁵. Дихотомия добро-зло потеряла свою определенность, вместо нее экспертами по реформам была навязана универсальная ценность — *выгода*, причем не общественная (привычное всем общественное благо), а именно *выгода индивидуальная*. Тем самым заменились своими противоположностями две важнейшие скрепы нравственной структуры российского общества — *нестяжательство и общинность*. Патологическая перестройка предполагает в первую очередь *смену целеполагания*: вместо *развития* основной целью становится *вы-*

живание любой ценой, вплоть до разрыва функциональных связей. Хаос, образовавшийся после распада СССР, практически разрушил привычные системы государственного, экономического управления, вызвал перебои с продовольственным и энергетическим снабжением населения, угрозу голода и коммунального коллапса. В этих условиях манипулировать населением и теми, кто рвался в правящие элиты, для инициаторов применения организационного оружия становилось необычайно легко: население получало гуманитарную помощь, чтобы не умереть с голода, а к каждому чиновнику, обязанному принимать решения, был приставлен специалист по реформированию, который буквально диктовал нужные (им) управленческие решения⁶.

Уже на этом этапе (1991–1995 гг.) инициаторы применения организационного оружия получили следующие бонусы:

- устранение стратегического военного и идеологического противника;
- практически бесплатные поставки всех видов ресурсов;
- огромный, незащищенный де-юре и де-факто российский рынок;
- согласие по всем внешнеполитическим вопросам;
- устранение конкурента на многих товарных рынках;
- устойчивый поток умных, образованных и непритязательных мигрантов;
- одностороннее разоружение России и установление контроля за ее оставшимися стратегическими силами, ВПК и оборонными исследованиями;
- выплата финансовой дани в виде размещения золотовалютных резервов государства в зарубежных банках под минимальный процент и введения долларовой обращения как параллельного наравне с рублевым;
- демографическая катастрофа в государстве-мишени (впервые в российской истории смерт-

ность населения стала устойчиво опережать рождаемость).

Для достижения долговременного (по возможности необратимого) стратегического эффекта командой младореформаторов во главе с экспертами по реформам в Основной закон государства (Конституцию) были заложены смысловые мины.

Во-первых, в ст. 13 Конституции РФ был закреплен отказ государства от одной (общегосударственной) идеологии. Конституция «устанавливает, что в Российской Федерации признается *идеологическое многообразие*. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Фактически это означает, что государство должно отказаться от *собственного национального проекта развития*.

Во-вторых, часть 5 ст. 29 Конституции РФ устанавливает полный и *абсолютный запрет цензуры* как гарантию свободы массовой информации. Фактически это означает, что *при запрете на собственный национальный проект государство не имеет права противостоят любым попыткам навязать ему чуждые*.

В-третьих, любое нормотворчество, *способное поколебать сложившийся порядок*, ограничено п. 4 ст. 15 Конституции РФ. В этой норме закреплен *общий принцип примата международного права над национальным законодательством* [20].

После показательного расстрела собственного Парламента, начала Первой чеченской войны, фарсовых выборов 1996 г., итогов приватизации, семибанкирщины и организации дефолта 1998 г. многим казалось, что у нашего общества и государства не осталось внутренних ресурсов для того, чтобы отойти от *терминальной черты*. Накал манипулятивных воздействий был такой, что, каза-

лось, сознание всех общественных групп подчинено мемам:

- Россия — «темная территория» без исторической перспективы.
- «Патриотизм — последнее убежище негодяев».
- Любая заграница — лучше русской действительности.

Начало Второй чеченской войны означало полную уверенность инициаторов применения организационного оружия в начале распада России по примеру СССР, который остается закрепить чисто техническими средствами [21]: население деморализовано, власть готова выполнять все поступающие указания, система управления отформатирована под внешнее управление, то есть *государство уже готово к суициду*.

Однако функциональная система общественного сознания (и общества в целом) продемонстрировала *неожиданную упругость и наличие резервов* противодействия дальнейшей патологизации и суицидолизации: наращивание внешнего давления и манипулятивной пропаганды уже не давало необходимого эффекта. Вынужденная ротация верхнего эшелона власти на рубеже 2000-х годов предполагала смену пор-

Иностранные сектанты-миссионеры приехали с деньгами, крепкой организацией и отшлифованными методами работы.

третов при сохранении курса, однако внутреннюю потребность большей части общества в восстановлении справедливости и самоуважения игнорировать было уже нельзя. Сложилась парадоксальная ситуация: потребность общества прямо противоречила дальнейшей деструкции, а все технологии, применявшиеся до сих пор правящими элитами, не могли (да не были предназначены) дать ничего другого. Выход нашлся в имитационной деятельности: многочисленные федеральные целевые программы, национальные проекты, широко обсуждаемые и рекламируемые, превратились, с одной стороны, в демонстрацию перехода власти на путь созидания и заботы о населении, с другой — в еще один источник разворовывания бюджетных средств.

Неожиданная эффективность защитной реакции функциональной системы российского общества и гипотетическая возможность восстановления СССР заставила инициаторов применения организационного оружия сменить тактику. Черда цветных ре-

волюций на постсоветском пространстве, во-первых, минимизировала возможность восстановления Союза; во-вторых, позволяла отработать новые когнитивные и информационные технологии деструкции; в-третьих, позволяла готовить кадры новых революционеров; в-четвертых, создала прецедент использования этих технологий и кадров на российской территории [22–27].

Цветная революция, несмотря на длительную информационную и когнитивную подготовку⁷, в России не прошла главным образом из-за ориентации оран-

жевых технологий на манифестные формы реализации, во главе которых должен стоять креативный класс. В России класс, который называют креативным классом, заметен только в медийной среде, а манифестная политика реально интересует меньшую часть населения [29–31]. Но практически готова технологическая база версии «Цветная революция 2.0», основанная на отрабо-

танных технологиях «арабской весны» [32].

Нынешняя стадия патологической трансформации функциональной системы российского общества и государства, вызванная применением организационного оружия, характеризуется своеобразным состоянием общественного сознания: «Надоело бояться и чувствовать себя униженным!» Надо помнить, что Россия — это социальный организм, за век переживший более десятка терминальных кризисов, среди которых четыре революции, две мировые и полторы гражданские войны, две модернизации и почти три десятилетия целенаправленного разрушения модернизационного потенциала. Сюда надо добавить два аксеологических переворота (1917 и 1991 гг.). Образовавшийся в результате подобного перманентного экстремума социум и составляющие его граждане приобрели совершенно уникальные характеристики, которые требуют специального осмысления.

Как показала новейшая история, выраженная устойчивость к патологическим воздействиям информационного оружия имеется у всех государств-социумов, ранее воплощавших в своем государ-

ственном строительстве реальные принципы социальной справедливости. То, что имплантация патологической системы не всегда приводит к деструкции государства и социума (по крайней мере такой стремительной, как планирует наступающая сторона), свидетельствует о возможности нейтрализации негативных воздействий. Возможности элиминирования патологической системы как ведущего фактора организационного оружия находятся

Вместо развития основной целью становится выживание любой ценой, вплоть до разрыва функциональных связей.

в психосоциальной и культурной сфере общества. Это означает, что внешние, то есть формальные способы противодействия организационному оружию (политические, экономические, военные и др.) в их классическом виде уже категорически не пригодны — требуется подбор адекватных и специфических средств и методов. Прямое и непосредственное влияние на патологическую систему — воздействие на нее в лоб по принципу «атака на атаку» (угол падения равен углу отражения) — не может быть результативным. Более того, на организацию контратаки все так же будут расходоваться ресурсы социальной функциональной системы, что тоже входит в замысел противника.

Глобальное переформатирование мира демонстрирует глобальный размах использования организационного оружия наднациональными, надгосударственными структурами⁸. Как следствие — патологические системы уже запущены в большинстве государств [34–36]. Наше знание механизма действия патологических систем должно стать основой противодействия на национальном и глобальном уровнях.

ПЭС 13136/16.09.2013

Примечания

1. Собственно оранжевые технологии разрабатывались, апробировались и были изложены в работе [6].

2. Показательным является современное почитание личности воинствующего атеиста Н.С. Хрущева в либеральном (неоамериканском) истеблишменте России, унаследованное от шестидесятников. Поклонники генсека за его доклад на XX съезде КПСС, вызвавший восторг на Западе, предпочитают не

вменять ему в вину и снесенные храмы, и кровавые издержки кампанийского и неподготовленного обратного переселения народов, и расправу над эстетикой неоклассицизма, и инверсию идеала социального освобождения (коммунизма) в потребительский суррогат.

3. Девиация — это отклонение от нормы, рассматриваемое большей частью членом общества как предосудительное и недопустимое. Делинквентное поведение (от лат. delictum — проступок, от англ. delinquency — правонарушение, провинность) — антиобщественное противоправное (паракриминальное) поведение индивида, воплощенное в его поступках (действиях или бездействии), наносящих вред

как отдельным гражданам, так и обществу в целом.

4. При условии, что в государстве нет организации, которая бы хотела и умела вылечить организм; пример СССР в данном случае нельзя обобщать.

5. Особенно это заметно по переписыванию истории (раскрытие темных пятен истории), начавшемуся в период перестройки и с конца 1991 г. приобретающему глобальный манипулятивный характер.

6. Гарвардский профессор Джеффри Сакс официально консультировал российское правительство. В посте @kovane «Роль Запада в российских реформах: чему не учат в Гарварде», опубликованном в politrash.ru, рассказывается, что степень вовлеченности западных советников в процесс реформ был беспрецедентным (они располагались в одном здании с Государственным комитетом по имуществу), большинство решений оформлялось как президентские указы в обход Верховного Совета.

7. Интересно, что, по данным исследования «Информационная война против России» [28], кроме специально созданного для реализации цветной революции мультимедийного концерна «Дождь» остальные, даже принадлежащие государству, печатные и электронные СМИ, размещают у себя откровенно русофобский контент, занимающий большую часть полос и эфирного времени.

8. Показательно, что еще в 1970 г. Римский клуб намеревал-

Фото: Фотобанк Лори / Владимир Очаковский

ся использовать идею глобальной матрицы (G-Matrix), чтобы навязать людям образ мышления, в котором вопросы защиты окружающей среды и необходимости регулирования численности мирового населения воспринимались бы всеми в качестве основных общечеловеческих ценностей. «В поисках нового врага, который объединил бы нас, нам пришло в голову, что на эту роль подойдут идеи загрязнения, угрозы глобального потепления, нехватки питьевой воды, засухи и прочего. Все эти опасности являются результатом деятельности человека. Преодолеть их можно, только изменив отношение и поведение людей. Поэтому настоящий враг — это само человечество» [33].

Литература

1. <http://www.concept.com.ru/publish/repiev.html>.
2. Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. «Катарсис» или «Апокалипсис»? Анализ современности через призму функциональных и патологических систем // Экономические стратегии. 2013. № 2–3.
3. Богданов А.А. Тектология — Всеобщая организационная наука. Берлин — Санкт-Петербург, 1922. Изд. 2-е: В 2 кн. М.: Экономика, 1989.
4. Цит. по: Husein S. A. The Way of Gandhi and Nehru. New York — London, 1960.
5. <http://www.tavinstitute.org/humanrelations>.
6. Шарп Д. От диктатуры к демократии. М., 2004.
7. Mini-Manual of The Urban Guerrilla. Carlos Marighella. 1969.
8. Сундиев И.Ю. Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции // Социологические исследования. 1987. № 5; По неписаным законам улицы. Энциклопедия неформальных объединений. М., 1988.
9. Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995.
10. Филатов С. Современная Россия и секты // Иностранная литература. 1996. № 8.
11. Сундиев И.Ю. Криминологические компоненты социальной ди-

намики современной России // Бизнес и политика. 1995. № 10.

12. Сундиев И.Ю. Компоненты глобального кризиса и криминальные вызовы российскому обществу // Экономические стратегии. 2010. № 1–2 (75–76).

13. Индустрия российских средств массовой информации. Проект доклада. М., 2002.

14. Кургинян С. Седьмой сценарий: В 3 ч. Часть 1. До путча. Часть 2. После путча. Часть 3. Перед выбором. М., 1992.

15. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.

16. Кара-Мурза С. Антисоветский проект. М., 2002.

17. Кара-Мурза С. Демонтаж народа. М., 2007.

18. Панарин И. Первая мировая информационная война. Развал СССР. М., 2010.

19. Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.) / Под общ. ред. С. Шахрая: В 2 т. М., 2012.

20. Конституция Российской Федерации (Основной закон). М., 1993.

21. <http://www.politnauka.org/library/territor/pain.php>.

22. Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А., Мурашкин М. На пороге оранжевой революции. М., 2005.

23. Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А., Мурашкин М. Революции на экспорт. М., 2006.

24. Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека. Алетейя, 2008.

25. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009.

26. Максимов И.В. Цветная революция: социальный процесс или сетевая технология? М., 2010.

27. Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. М., 2010.

28. <http://ruxpert.ru/Информационная война против России>.

29. Новая протестная волна. 2012.

30. Аналитический доклад Фонда развития гражданского общества. М., 2012.

31. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр). М., 2012.

32. Васильев А.М., Петров Н.И. Рецепты «арабской весны»: Русская версия. М., 2012; Эль Мюрид. Если завтра война. «Арабская весна» и Россия. М., 2013.

33. Первая глобальная революция. Доклад Римскому клубу. М., 1991.

34. Дугин А. Время объявить войну мировому правительству // Геополитика. 2013. № 59 (январь).

35. <http://spkurdyumov.narod.ru/furs.htm>.

36. Неклесса А. «Кризис мировидения». Доклад, представленный 5 декабря 2012 г. на заседании семинара «Кризис современного мира и новые формы социальности» Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Лаборатории «Север — Юг» и Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФ РАН.